

*М.И. Дзялошинская,
профессор кафедры общественных коммуникаций
и рекламы АТиСО,
кандидат филологических наук, доцент;*

*И.М. Дзялошинский,
профессор департамента журналистики факультета
медиакоммуникаций Высшей школы экономики,
доктор филологических наук*

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: ТЕОРЕТИКО-КОММУНИКАЦИОННЫЙ ПОДХОД

Ключевые понятия: социальное развитие, институциональные матрицы, коммуникационные матрицы, интегрированные коммуникации.

«Шок будущего» – так называлась работа знаменитого американского футуролога О. Тоффлера. В ней, а также в других своих публикациях (в частности, «Экоспазм» и «Третья волна»¹) автор доказывал, что социальная неустойчивость, непрерывная изменчивость, множественные кризисные явления в экономике и политике выступают признаками общего системного кризиса. Эти идеи были услышаны. К началу 80-х годов прошлого века в развитых странах были созданы первые правительственные комиссии для разработки вопросов, связанных с определением стратегии будущего, выявлением опасностей, грозящих миру. Тем не менее, одной из особенностей сегодняшнего состояния умов является потеря веры в общественный прогресс, в развитие. Многие люди испытывают страх перед будущим, который пришел на смену вере в технический

прогресс, гарантирующий «светлое будущее». Анализ как научных, так и художественных описаний развернувшихся в настоящее время перемен дает основание для вывода о том, что главной отличительной чертой мироощущения современного человека становится тревожное ожидание каких-то катастроф.

Экономические, политические, социальные процессы все в меньшей степени поддаются управлению и регулированию. Мировой рынок не только ведет к стиранию границ, но и подрывает институциональные основы международных отношений, включая национальный суверенитет. Новые центры финансово-экономической власти, в том числе транснациональные корпорации, лишают национальные правительства возможности эффективно управлять социальными процессами.²

Что касается российского общества, то его современное состояние

обуславливается рядом специфических черт. Прежде всего, следует отметить, что глобализация и бурное развитие высоких технологий привели к тому, что на смену характерным для недавнего прошлого индустриальным стратегиям с их упором на товарное производство, оборудование и сырье, пришли новейшие технологии. Происходящие в связи с этими процессами изменения одними исследователями рассматриваются как позитивное развитие, другими – как деградация и крах великой цивилизации.

Без ясного ответа на вопрос, что с нами происходит, трудно давать оценки текущим событиям и предлагаемым планам и решениям. В свою очередь, чтобы получить ответ на этот вопрос, надо выполнить методологический анализ таких важных категорий, как «трансформация», «модернизация», «прогресс» и т.п. Не беря на себя груз решения столь масштабной задачи, необходимо обратить особое внимание на категорию «социальное развитие».

При этом собственная методологическая установка авторов заключается в том, что история любой страны не может рассматриваться как реализация идей того или иного руководителя. Признавая роль личности в истории, мы убеждены, что социальное развитие определяется глубокими внутренними закономерностями, обусловленными историей и социокультурной морфологией конкретного региона³.

Социальное развитие: традиционные подходы. Интуитивно очевидно, что любая система может

достаточно длительное время функционировать не меняясь, а может меняться. При этом изменения могут вести как к росту и усложнению системы – и это называется развитие, так и к распаду, деградации системы. Также интуитивно ясно, что развитие – двойной процесс: в нем уничтожается старое и на его месте возникает новое, которое утверждает себя в жизни не путем беспрепятственного развертывания своих потенций, а в борьбе со старым. Между новым и старым есть и сходство, общее (иначе мы имели бы лишь множество не связанных между собой состояний), и различие (без перехода к чему-то другому нет развития), и сосуществование, и борьба, и взаимоотрицание, и взаимопереход. Новое возникает в лоне старого, достигая затем уровня, не совместимого со старым, и последнее отрицается⁴.

Опираясь на высказывания В.Н. Вернадского, Н.Н. Моисеев⁵ следующим образом сформулировал основные постулаты универсального эволюционизма.

1. Вселенная представляет собой единую саморазвивающуюся систему.

2. Во всех процессах, имеющих место во Вселенной, неизбежно присутствуют случайные факторы, влияющие на их развитие, и все эти процессы протекают в условиях некоторого уровня неопределенности.

3. Во Вселенной властвует наследственность, настоящее и будущее зависит от прошлого (не определяется прошлым, а зависит от него).

4. В мире властвуют законы, являющиеся принципами отбора. Они выделяют из возможных виртуальных, мысленных состояний некоторое множество допустимых.

5. Принципы отбора допускают существование бифуркационных – возмущенных состояний, то есть состояний, из которых возможен переход материального объекта в целое множество новых состояний. В бифуркационном состоянии дальнейшая эволюция оказывается принципиально непредсказуемой, поскольку новое русло эволюционных процессов обуславливается прежде всего неконтролируемыми случайными факторами, проявляющимися в момент (точнее, в период) перехода.

Что касается проблемы социального развития, то она в последние десятилетия является предметом острых дискуссий, в ходе которых высказываются различные точки зрения как на саму сущность понятия «социальное развитие» и критерияльную систему определения уровня общественного развития, так и на возможные векторы исторического движения социума. Можно выделить несколько основных подходов.

Ряд исследователей полагает, что сама идея социального развития может быть поставлена под сомнение. Анализ этой позиции дан в работах американского ученого Р. Нисбета, который утверждает, что в основе социологической идеи развития находится далеко не самое удачное заимствование из области биологии, а именно – «метафора

роста». Именно эта аналогия и определяет содержание теорий развития: представление о направленности, стадийности, необратимости исторического изменения, а также о его цели, будь то бесклассовое общество или современность западного типа⁶.

Другие исследователи до сих пор сводят социальное развитие к экономическому. Соответственно, развитие понимается как рост благосостояния, производительности труда, валового дохода и т.п. Эта позиция подвергается жесткой критике, авторы которой указывают, что линейный рост различных показателей жизненного стандарта не может рассматриваться как знак действительного развития. Не случайно в мировой экономической науке наряду с теориями экономического роста распространилось новое научное направление – теория экономического развития. Его появление отразило потребность в усилении внимания к качественным характеристикам, стоящим за экономической динамикой. На современном этапе происходит дальнейшее уточнение самого содержания процесса экономического роста с усилением обоснования отказа от узкоэкономических характеристик. Категорию экономического развития закономерно стали увязывать не только с количественными, но и с качественными изменениями. В этом случае развитие характеризуется как нелинейный процесс нарастания сложности при переходе от одного качественного состояния к другому⁷.

Есть группа ученых, которые предлагают рассматривать социальное развитие как любое изменение (нарушение) социального договора или социальной конвенции в пользу какой-либо группы индивидов. Так понимаемое социальное развитие включает изменения социальных институтов, норм, ценностей, а также внутренних механизмов общественных процессов. Наряду с этим социальное развитие предстает как смена социальных практик и символическая борьба в поле политики и культуры. Общим показателем социального развития выступает динамика жизненного стандарта, качества жизни, степень реализации личностного потенциала⁸.

Проблема социального развития вошла в глобальную повестку дня после появления публикаций, подготовленных так называемым «Римским клубом». Особый отклик вызвала книга «Пределы роста», авторы которой Донелла Н. Медоус, Деннис Л. Медоус, Жорден Рандерс и Вильям В. Беренс предприняли попытку моделирования последствий взаимодействия Земли и человека. Последний обновленный вариант был опубликован 1 июня 2004 года под названием «Пределы роста: 30-лет». Донелла Луга, Жорден Рандерс и Деннис Медоус обновили и расширили первоначальную версию. В 2008 году Грэм Тернер на уровне Содружества по научным и промышленным исследованиям (CSIRO) в Австралии опубликовала статью под названием «Сравнение “Пределов роста” с

тридцатилетней реальностью». В ней рассматриваются последние 30 лет реальности и предсказаний, сделанных в 1972 году, и обнаружено, что изменения в области промышленного производства, производства продуктов питания и загрязнения окружающей среды соответствуют предсказаниям книги экономического и социального краха в двадцать первом веке.

Стало очевидно, что противоречия между нарастающими потребностями социума и сравнительно ограниченными возможностями биосферы ставят под угрозу дальнейшее существование человека. Вопросы экологического развития цивилизации вышли на передний край научного поиска, общественного сознания в целом. Важным показателем уровня осмысления экологических проблем явилась конференция ООН по окружающей среде и развитию, проходившая в Рио-де-Жанейро в 1992 году⁹. На этой конференции была принята стратегия (концепция) перехода современного общества к устойчивому развитию. Речь в данном случае идет о переходе к новой эпохе цивилизационного развития на основе радикального изменения ценностей и целей современного общества, ориентации и содержания различных сфер человеческой деятельности.

Общий смысл стратегии устойчивого развития сводится к определению предпосылок и условий неопределенно длительного существования человечества. Для этого предполагается таким образом удовлет-

ворять потребности людей, чтобы это не вело к деградации биосферы, не ущемляло интересы будущих поколений¹⁰.

Однако устойчивое развитие – это не только экономическое и экологически безопасное развитие. Это также последовательное развитие политической, социальной и других областей жизни общества. По всем этим направлениям возможны свои критерии устойчивости, которые должны быть системно объединены в самом понятии устойчивого роста. В таком толковании устойчивое развитие соединяет в единую социоприродную систему экологические, экономические, социальные и культурологические характеристики¹¹.

Теория устойчивого развития стала, пожалуй, не только самой исследуемой, быстро развивающейся и популярной новой теорией последнего десятилетия (сотни конференций, тысячи монографий, учебников и пр.), но и вполне «практичной» теорией – все развитые государства мира выразили стремление следовать по направлению к устойчивому развитию, и практически все сколь-нибудь концептуальные и «уважающие себя» официальные государственные и международные документы за последние годы в качестве базовой идеологии используют понятие устойчивого развития¹².

Проявляется внимание к устойчивому развитию и в России. Был принят Указ Президента Российской Федерации «О Концепции перехода Российской Федерации к ус-

тойчивому развитию». Принципиальным в российской Концепции являлось соотношение процессов улучшения качества жизни людей и социально-экономического развития с пределами хозяйственной емкости биосферы: «Устойчивое развитие – это стабильное социально-экономическое развитие, не разрушающее своей природной основы. Улучшение качества жизни людей должно обеспечиваться в тех пределах хозяйственной емкости биосферы, превышение которых приводит к разрушению естественного биотического механизма регуляции окружающей среды и ее глобальным изменениям»¹³. Иными словами, под устойчивым развитием понималось сбалансированное между собой развитие социально-экономических и экологических систем, при котором природные ресурсы не истощаются и условия для современных тенденций развития цивилизации остаются благоприятными неопределенно долго.

Критики концепции устойчивого развития указывают, что «устойчивое развитие» в таком понимании является не более чем правдоподобной иллюзией, построенной на взаимоисключающих положениях, на исходных позициях неразрешимых проблем¹⁴.

Социальное развитие как смена культурных матриц. На наш взгляд, социальное развитие может быть представлено как процесс обновления или смены культурных (институциональных и коммуникационных) матриц, определяющих формы реализации человеческой

активности. Постараемся раскрыть это положение.

Активность индивидуума приобретает особое значение как важнейшее качество личности, как способность изменять окружающую действительность в соответствии с собственными потребностями, взглядами, целями. В работах Л.И. Божович, А.В. Брушлинского, К.А. Абульхановой, Д.Б. Эльконина, М. Андреевой, А.В. Петровского, Д.И. Фельдштейна социальная активность обуславливается как степень проявления возможностей и способностей человека как члена социума, инициативное отношение личности к отдельным общностям или обществу в целом, что отражает превращение личности из объекта в субъект общественных отношений.

Степень социальной активности можно определить, сопоставляя следующие характеристики субъектов:

1) мобильность;

2) разнообразие способов и сфер действия (социальная активность выше у лиц, включенных в большее число общественных связей и общностей);

3) сознательность осуществляемых действий, приобретающих свойства общественно значимых поступков;

4) использование опыта других субъектов, что помогает расширить объем и усилить интенсивность преобразующей деятельности;

5) привлечение сил других субъектов для достижения общественно значимых целей;

6) творческий потенциал, обеспечивающий генерацию новых способов преобразования природы и общественных отношений.

С точки зрения предмета данной статьи, человеческую активность целесообразно рассмотреть в следующих ракурсах.

По критерию уровня индивидуальности можно выделить физическую, психическую и социальную активность. В свою очередь социальная активность делится по критерию направленности на просоциальную, асоциальную и антисоциальную. Понятием «просоциальная активность» обозначаются действия, которые приносят пользу другим людям, но не имеют очевидной пользы для людей, их совершающих. К асоциальному относят поведение, характеризующее бесцельное времяпрепровождение, азартные игры, пьянство, агрессивность, ложь, социальную безответственность, аморально-эгоистическое отношение к лицам другого пола и др. Антисоциальная активность связана с совершением так называемых общественно опасных действий: кражи, ограбления, разбойные нападения, хулиганство, насильственные преступления и др.

По критерию сферы человеческой жизнедеятельности, в которой эта активность разворачивается, можно выделить трудовую (творческую), потребительскую, досуговую и гражданскую активность. Соответственно трудовая и гражданская активности человека могут проявляться в разных сферах обществен-

ной жизнедеятельности: политической, экономической, социальной, духовной.

При этом следует иметь в виду, что человек – многомерный субъект, поэтому он, как правило, реализует себя в разных «активностях», однако так или иначе одна из них является основной, главной, а все остальные могут проявлять себя в качестве дополнительных и даже ситуативных (рисунок).

В контексте нашей проблематики наиболее интересен политический аспект активности человека, то есть такие варианты самоопределения индивида, при которых он в том или ином виде задействует себя в процессах, связанных с управлением обществом с учетом интересов различных социальных субъектов, в частности – с формированием, поддержанием или реорганизацией политики, регулирующей отношения в социальной сфере.

Устоявшегося и единственного подхода к трактовке понятия «социальная политика» в настоящее

время нет. Чаще всего под социальной политикой подразумевают систему мер и мероприятий, направленных на улучшение качества и уровня жизни населения в целом и отдельных социальных групп, в частности. Субъектами формирования и регулирования так понимаемой социальной политики, как правило, являются властные структуры разных уровней: федерального, регионального, местного. Однако социальную политику можно рассматривать и в более широком контексте: как систему взаимоотношений и взаимодействий между социальными группами, социальными слоями общества, в центре которой стоит человек, его благосостояние, защита его социальных прав и свобод. В этом случае предполагается, что в формировании и реализации социальной политики участвует и само население, либо делегирующее свои полномочия общественным организациям, либо осуществляющее их самостоятельно в рамках гражданской активности.

АКТИВНОСТИ	Трудовая активность	Потребительская активность	Досуговая активность	Гражданская активность
Доминантная (главная) активность				
Дополнительная (второстепенная) активность				
Ситуативная активность				

Матрица социальной активности

Источник: авторская работа.

Что касается гражданской активности, то ее можно определить как «особое личностное качество, которое в своей целостности, обусловленной системными связями содержательных и сущностных характеристик, включает все показатели гражданственности, гражданской позиции, обусловленные особенностями социальной природы человека, формируемого в просоциальной деятельности. Гражданская активность выступает главным стержнем, определяющим ценность и цельность личности. От гражданской активности (воплощенной в граждански активной жизненной позиции) зависят отношения и к себе, и к другим людям, обществу и государству»¹⁵.

Особое внимание необходимо обратить на тот факт, что интересующие нас трудовая и гражданская формы активности человека могут проявляться в следующих видах:

- практическом (ориентация на изменение действительности);
- манифестационном (смыслом практических действий является непосредственное преобразование действительности, а оказание влияния на сознание и поведение людей путем привлечения их к акциям поддерживающего, ритуального или протестного характера);
- коммуникативном (нацеленность на изменение когнитивных и ценностных представлений людей). При этом коммуникативная активность направляет энергетику личности на поиск связей и контактов, необходимых для реализации всех

форм активности и проявляется в осознаваемой потребности искать и получать информацию и в не менее яркой потребности сообщать свои мысли другим людям.

Таким образом, можно констатировать, что, во-первых, только при условии, что политики и граждане объединят свои усилия в формировании и реализации социальной политики и будут поддерживать друг друга в системе общественного договора, возможно реальное социальное развитие; во-вторых, важным связующим звеном между всеми субъектами социального развития является коммуникация.

Институциональные матрицы как регуляторы активности. Любая активность, детерминирующая, как было отмечено выше, направленность социального развития, осуществляется по различным нормам и правилам, которые принято обозначать понятием «социальные институты». Известные исследователи Карл Поланьи¹⁶ и Дуглас Норт¹⁷ высказали предположение о том, что система институтов каждого конкретного общества образует своеобразную институциональную матрицу, определяющую спектр возможных траекторий его дальнейшего развития. Поланьи полагал, что институциональная матрица направляет экономические отношения между людьми и обуславливает место экономики в обществе, она задает социальные источники прав и обязанностей, которые санкционируют движение благ индивидуумов при входе в экономический процесс, внутри него и на

выходе. По определению Норта, институциональная матрица общества представляет собой свойственную ему базисную структуру прав собственности и политическую систему. Норт считал, что экономические и политические институты в институциональной матрице взаимозависимы, политические правила формируют правила экономические, и наоборот. При этом и Поланьи, и Норт полагают, что каждое общество имеет конкретную, свойственную только ему институциональную матрицу.

Развивая эти идеи, С. Кирдина сформулировала положение о том, что «институциональная матрица – своеобразный генотип общества – складывается в момент образования государств и на протяжении их развития сохраняет свою природу»¹⁸. По мнению С. Кирдиной, человечество знает две базовые матрицы, которые во многом определяют образ жизни и социальной деятельности людей: X-матрица и Y-матрица. Каждая из этих матриц опирается на специфические именно для нее экономические, политические и идеологические институты.

Идеальные типы X- и Y-матриц позволяют однозначно различать феноменологические объекты, обладающие или не обладающие соответствующими качествами. Другими словами, представляется возможным судить о том, институты какого типа матрицы доминируют в том или ином конкретном обществе, то есть признаны базовыми. При этом институты другой матрицы являются комплементарными (допол-

нительными). Комплементарными называются институты, функционирующие одновременно с базовыми институтами для выполнения аналогичных функций, то есть институты X-матрицы, действующие в обществах с доминированием Y-матрицы, и наоборот. Комплементарные институты всегда имеют менее распространенный характер, их действие опосредовано рамками базовых институтов, выражающих природу свойственной обществу институциональной матрицы.

Экстраполяция парадигмы институциональных матриц на сферу коммуникации позволяет ввести в научный оборот понятие «коммуникационные матрицы». Такой перенос становится очевидно возможным, если опираться на тезис о том, что любое коммуникативное действие опосредовано обязательными нормами и правилами, которыми определяются взаимные поведенческие ожидания и которые должны пониматься и признаваться, по крайней мере, двумя субъектами, осуществляющими коммуникацию. Каждый, кто участвует в коммуникации, интуитивно стремится следовать некоторым нормам и правилам, позволяющим, по его мнению, общаться результативно, успешно. Эти «регуляторы» называют по-разному: принципы, постулаты, нормы, правила, дискурсы, конвенции, кодексы, форматы. Не вдаваясь в рассмотрение их смысловых особенностей¹⁹, констатируем, что наиболее адекватным термином, обозначающим все возможные регуляторы коммуникации, становится понятие

«коммуникационная матрица», проявлениями которой выступают курсы, конвенции, кодексы.

Опираясь на идею С. Кирдиной о существовании идеальных типов X- и Y-матриц, можно свести множество различных коммуникационных матриц в три основные группы: вертикальные, горизонтальные и гибридные матрицы.

Вертикальная матрица:

- распределение субъектов коммуникации по вертикали (родители – дети; начальники – подчиненные; государство – подданные);
- государство играет доминирующую роль в большинстве коммуникативных процессов;
- доступ к информации затруднен множеством специальных нормативных актов;
- не реализуется право на свободное выражение собственного мнения.

Горизонтальная матрица:

- партнерские отношения между субъектами коммуникации;
- отлажен механизм обратной связи;
- законодательно закреплено и реализуется право на свободный доступ к информации, на выражение собственного мнения, на личный выбор каналов коммуникации.

Гибридная матрица:

- распределяет субъектов коммуникации по классам, внутри которых существуют горизонтальные отношения, а между которыми – вертикальные;
- обеспечен частичный доступ к различным информационным массивам, однако доступ к значи-

тельной части информационных ресурсов требует специального разрешения.

Сегодня в России, как и во многих других странах, сосуществуют все три коммуникационные матрицы. Базовой для нашей страны является гибридная, а вертикальная и горизонтальная выступают в роли комплементарных матриц.

С практической точки зрения каждая из этих матриц определяет взаимоотношения между инициатором коммуникации и ее адресатом. Выделяются несколько альтернативных парадигм коммуникаций, отличающихся друг от друга всеми компонентами, включая и нравственно-этический. Все они располагаются в своеобразном «пространстве», образуемом тремя векторами, в качестве которых выступают фундаментальные социально-профессиональные установки, обуславливающие общий характер отношения инициатора коммуникации к адресату.

Первая из таких установок ставит инициатора коммуникации над адресатом, определяя его право рассматривать адресата как объект управления (воспитания, формирования), а себя – как носителя или транслятора управленческих программ разного типа и уровня. Если попытаться одним словом охватить конечный смысл такой коммуникации, то этим словом будет «воздействие».

Подобного рода практика получила достаточно значимое обоснование в работах многих теоретиков и исследователей, создавших ком-

плекс стройных и по-своему совершенных концепций управляющего воздействия, опирающихся на представление об активной роли инициатора коммуникации, и пассивной (несмотря на многочисленные оговорки) роли адресата, рассматривающегося в качестве объекта воздействия.

Вторая установка размещает инициатора коммуникации рядом с адресатом и ориентирует его на отношения информирования. В этом случае инициатор коммуникации считает своей основной обязанностью поставлять адресату разнообразные сведения, данные, материалы, оказывать помощь в выражении мнений.

Третья фундаментальная установка требует от инициатора коммуникации рассматривать себя в качестве заинтересованного участника совместного с адресатом поиска решений сложных жизненных проблем. В этом случае основной функцией/ролью инициатора коммуникации становится «модератор диалога». Это означает, что инициатор коммуникации может и должен создавать среду для равноправного диалога между различными участниками коммуникационного процесса. Эта функция особенно необходима в обществе, раздираемом конфликтами и расколотом на лагерь, обществе, не способном найти примирение на площадях и трибунах. Это та функция, которая способна перевести конфликт, разрушающий единство, в конфликт, выявляющий проблему, и, тем самым, приблизить его разрешение не

на уровне уличной потасовки, но на позициях разумного и прагматического публичного диалога²⁰.

Интегрированные коммуникации в системе социального развития. После всего сказанного выше вполне логично прозвучит мысль о том, что перспективы развития общества в целом в значительной степени определяются изменениями коммуникационных матриц. Переход от монологических, вертикально ориентированных коммуникационных матриц к диалогическим, горизонтальным матрицам можно рассматривать и как условие, и как индикатор действительного совершенствования любого общества.

Этот тезис подкрепляется как теоретическим анализом современных коммуникативных трендов²¹, так и практикой организации медиапространства. В частности, процессом интеграции СМИ, который характеризуется объединением профессионально-творческих технологий, используемых в разных СМИ, и выражается во взаимодействии традиционных и сетевых средств массовой информации: ссылок, цитировании, рефлексии, комментировании, самопереводе в параллельные медийные среды.

Однако интегративные процессы, происходящие в современном медиапространстве, заключаются, на наш взгляд, не только (и не столько) в создании коммуникационных платформ – совокупности технических устройств (линий связи, каналов коммуникации), используемых для передачи контента. Бо-

более значимым представляется гуманитарный подход к пониманию интеграции в коммуникативной сфере, предполагающий, что главным признаком интегрированных коммуникаций – независимо от используемого канала коммуникации – является принципиальное изменение отношений между отправителем и получателем сообщений. В структуре интегрированных коммуникаций контент становится продуктом коммуникативной деятельности субъектов коммуникации. Наиболее отчетливо это явление выражается в феномене «вирусного редактора», суть которого заключается в том, что, натываясь на интересное сообщение, пользователь Интернета не просто распространяет его, но и редактирует, дополняет, комментирует, стараясь «заразить» других пользователей интересом к этому сообщению. «Если ... число перепостов достигает какого-то порогового значения, начинается тематическая эпидемия. Пройдя сотни или тысячи частных микроредактур, сообщение кристаллизует свою значимость. При этом единственный источник энергии для вирусного редактора – это желание юзера получить отклик на свое сообщение. Атомарно мотив слабенький, но на больших массивах он создает огромные социальные воздействия. ... Именно так вирусный редактор рождает альтернативную журналистику. И новую демократию. Отбор и перепечатка сообщений в вирусном редакторе, по сути, является голосованием за значимость этих сообщений, да еще с возможнос-

тью доработки. Перепост – минимальная и доступнейшая форма гражданской активности. Вирусный редактор рождает новую форму общественного договора, причем в прямом и буквальном взаимодействии масс людей...»²².

С этой точки зрения сущность понятия «интегрированность» означает:

1) коммуникационную многомерность, которую можно определить как принципиальную возможность одновременного получения пользователем информации о событии, явлении и/или персоне из различных источников, освещающих запрашиваемое явление с различных сторон и в различных ракурсах;

2) принципиальную возможность для пользователя принять участие в процессе создания информации по широкому спектру вопросов.

При этом специфика контента в самом общем виде заключается в том, что текст, сформированный профессионалами, но циркулирующий в системе интегрированных коммуникаций, перестает быть «индивидуально-авторским» в традиционном смысле этого слова, а становится «коллективно-соавторским», поскольку допускает как минимум комментирование (которое нередко бывает не менее информативным, чем основной текст) и как максимум – вмешательство в собственно содержание первоначального текста.

Такая трактовка интегрированных коммуникаций предполагает возросшую возможность влияния

общественности на информационную повестку дня. В современном обществе информационная повестка дня формируется социальными институтами, однако в условиях интегрированных коммуникаций все социальные субъекты могут участвовать в составлении контента. Попытки вмешательства в формирование повестки дня могут принять и неинституциональные субъекты²³.

Исходя из предлагаемого подхода, можно констатировать, что в настоящее время мы наблюдаем процесс социального развития, который можно обозначить как переход общества на новый цивилизационный уровень, обусловленный реконструкцией матриц, как социальных, так и коммуникационных. Этот переход предполагает, во-первых, рассмотрение общественного договора как обязательного условия социального развития в современном обществе. Базой общественного договора можно считать такие сложившиеся к настоящему времени социальные практики в сфере решения проблем социальной сферы, как благотворительность, спонсорство, корпоративная социальная ответственность.

Этот переход, описываемый в системе понятий интегрированных коммуникаций, представляет собой определение новых приоритетов в организации информационного сопровождения общественного договора в социальной сфере, ориентирующихся на диалогическое взаимодействие со всеми социальными группами с использованием воз-

можностей современных информационных технологий.

Однако в этой связи необходимо учитывать некоторые аспекты функционирования так понимаемых интегрированных коммуникаций. Прежде всего следует иметь в виду, что скорость деактуализации контента в условиях интегрированных коммуникаций очень высока и определяется скоростью появления нового контента в информационном пространстве пользователя. Для того, чтобы обсуждение социального контента не «затухало», предлагаемый контент должен быть сформирован с учетом специфики аудитории интегрированных коммуникаций.

Говоря о контенте в интегрированных медиасистемах, необходимо учитывать следующие факторы: упрощение и единообразие содержания; структурно-композиционную простоту; трансформацию языка коммуникаций в сторону снятия ряда лингвистических норм; высочайший уровень оперативности, ориентированной на высокую скорость потребления; возрастающую востребованность аудиовизуальной составляющей контента; индивидуализированность в сочетании с массовостью; интерактивность и др.

Кроме того, успех в интегрированных коммуникациях в значительной степени зависит от способности индивида выстроить разветвленную и саморазрастающуюся систему коммуникаций; попадания в коммуникационный мейнстрим и сформированную ранее систему связей внутри интегрированных коммуникаций (сообщества); вос-

требованности контента, понимаемой как соответствие контента потребностям значимых целевых аудиторий²⁴.

Что касается индивида в системе интегрированных коммуникаций, то он может выступать в нескольких статусах, каждый из которых имеет как коммуникационные, так и поведенческие особенности:

1) потребитель системы интегрированных коммуникаций – человек, не ищущий информацию, а довольствующийся тем, что ему присылают;

2) пользователь системы интегрированных коммуникаций – человек, который ищет необходимую ему информацию;

3) участник системы интегрированных коммуникаций – активный пользователь системы интегрированных коммуникаций, который создает контент или ретранслирует уже созданный контент, изменяя и дополняя его или нет (в любом случае, он создает новые системные связи);

4) модератор системы интегрированных коммуникаций или одной из ее подсистем – человек, который имеет технологическую и управленческую возможность ограничивать распространение того или иного контента в тех или иных информационных полях или значимо его изменять;

5) организатор (и собственник прав) системы или одной из ее подсистем²⁵.

Таким образом, авторы контента, посвященного проблемам соци-

ального развития, «запуская» его в систему интегрированных коммуникаций, могут рассчитывать на позитивную обратную связь со стороны участников процесса коммуникаций (получение комментариев, обсуждение и тиражирование контента) только в том случае, когда они точно попадают в сферу интересов и ожиданий интегрированных сообществ.

Подводя общий итог рассуждениям, приведенным в данной статье, необходимо отметить следующее.

1. Под социальным развитием целесообразно понимать процесс обновления или смены институциональных и коммуникационных матриц, определяющих формы реализации человеческой активности.

2. Все формы активности человека связаны с доминирующими в обществе институциональными матрицами. Исходя из этого, можно констатировать, что в современной России определение векторов социального развития является прерогативой государства.

3. В современном постиндустриальном, информационном обществе социальное развитие тесно увязано с совершенствованием коммуникаций. То есть переход в коммуникационной сфере от монолога к диалогу, от разрозненных каналов коммуникации к интегрированным предопределяет неизбежную активизацию участия граждан в формировании направлений и мер социального развития.

¹ Тоффлер Э. Шок будущего. – М. : АСТ, 2008; Тоффлер Э. Эко-спазм. – М. : Прогресс, 1976; Тоффлер Э. Третья волна. – М. : АСТ, 2010.

- ² Глушенкова Е.И. Устойчивое развитие как концептуальная основа стратегии национальной безопасности России. URL: <http://bookz.ru/authors/gluhenkova-elena/glushenkel01/1-glushenkel01.html>
- ³ Щедровицкий П.Г. В поисках формы // Сборник статей. – М. : ЦНИИАтоминформ, 2005.
- ⁴ Спиркин А. Философия. URL: http://www.textfighter.org/teology/Philos/Spirk/obschee_ponyatie_o_kategoriyah_kategorii_razvitie.php
- ⁵ Моисеев Н.Н. Идеи естествознания в гуманитарной науке: о единстве естественно-научного и гуманитарного знания // Человек. – 1992. – Вып. 2. – С. 5–16; Моисеев Н.Н. Общественная эволюция, рациональное общество. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Moiseev_1992_3.pdf
- ⁶ Нисбет Р. Прогресс. История идеи. – М. : ИРИСЭН, 2007.
- ⁷ Кормановская И.Р. Прогнозирование макропоказателей устойчивого развития региональной социально-экономической системы // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 2 (34); Никитина Ю.А. Козволюционно-инновационная активность социальных систем в нелинейной внешней среде // Известия Томского политехнического университета. – 2007. – Т. 311. – № 7.
- ⁸ Козловский В.В. Социологический диагноз как интегральная оценка культуры и общества. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Kozlovsky.pdf>; Утраты и обретения социологии. URL: <http://xreferat.ru/84/94-3-utraty-i-obreteniya-sociologii.html>; Социальная политика, парадигмы и приоритеты / под ред. В.И. Жукова. – М. : МГСУ, 2005.
- ⁹ Программа действий. Повестка дня на XXI век и другие документы конференции в Рио-де-Жанейро. – Женева, 1993.
- ¹⁰ Урсул А.Д. Переход России к устойчивому развитию: ноосферная стратегия. – М., 1998.
- ¹¹ Мамедов Н.М. Культура, экология, образование. – М., 1996.
- ¹² Декларация по окружающей среде и развитию. Утверждена Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 г.; Йоханнесбургская декларация по устойчивому развитию. Принята на 17-м пленарном заседании Первого Всемирного саммита по устойчивому развитию, Йоханнесбург, 4 сентября 2002 г.; Стратегия ЕЭК ООН в области образования в интересах устойчивого развития. Принята в Вильнюсе в 2005 г. и др. URL: <http://www.ecoculture.ru/ecoeducation/development/docs.php>
- ¹³ Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440. URL: <http://base.garant.ru/1548498/>
- ¹⁴ Данченко М.А., Поздняков А.В. К проблеме устойчивого развития России. URL: <http://rusnauka.narod.ru/lib/physic/chaos/2/a011398.html>
- ¹⁵ Семенюк Л.М. Психология гражданской активности: особенности, условия развития : автореф. дис. – М., 2007. – С. 7–8.
- ¹⁶ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. – СПб. : Алетей, 2002.
- ¹⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М. : Начала, 1997.
- ¹⁸ Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России. URL: <http://kirdina.ru/doc/31oct06/1.ppt>
- ¹⁹ Дзялошинский И.М. Коммуникационные матрицы как предмет прикладной коммуникативистики // Полифония медиатекста. Сборник научных статей. – М. : РГСУ, 2011. – С. 4–32.
- ²⁰ Реснянская Л.Л. Двусторонняя коммуникация: методика организации общественного диалога. – М. : Пульс, 2001; Груша А. Формы и методы организации взаимодействия субъектов политики. Пресса и политический диалог. – М. : Пульс, 2001; Прохоров Е.П. Режим диалога для демократической журналистики открытого общества. – М. : Пульс, 2002; Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. – М. : АПК и ППРО, 2012; Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. – М. : АПК и ППРО, 2012; Дзялошинский И.М. Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. – М. : АПК и ППРО, 2013.

- ²¹ Евстафьев Д. Интегрированные коммуникации как глобальная реальность XXI века. 500 тезисов об интегрированных коммуникациях. – М., 2013.
- ²² Существо интернета. 12 тезисов о вирусном редакторе. URL: http://www.chaskor.ru/article/sushchestvo_interneta_21588
- ²³ Дзялошинская М.И. Интегрированные коммуникации: от маркетингового подхода к гуманитарному // Информационное сопровождение социальных проектов в современном обществе : материалы III Международной научно-практической конференции. – М. : ИД «АТиСО», 2013.
- ²⁴ Евстафьев Д. Интегрированные коммуникации... – С. 369–407.
- ²⁵ Там же . – С. 166.